

## ПРОЕКТ

## Ковровые истории

Шедевры, согретые теплом сердца

ми, о чем авторы этих историй будут заранее оповещены.

## Семейные традиции

Некоторое время назад Азербайджанский государственный музей ковров запустил проект «Ковровые истории», который был встречен с большим интересом ценителями коврового искусства не только из нашей страны, но и из-за рубежа. Участники проекта делятся историями ковров, имеющихся у них дома или в частных коллекциях, воспоминаниями и рассказывают о них. Сегодня мы приводим здесь некоторые из этих историй - интересных, удивительных и часто очень трогательных.

## Поделись своей «ковровой историей»!

- У всех у нас дома есть любимые ковры, которые достались нам от родителей или бабушек и дедушек, в них память наших семей, тепло нескольких поколений. Эти ковры украшают интерьер наших квартир и домов, за ними бережно ухаживают и каждый год летом чистят и заботливо складывают до следующей зимы - и так многие годы, а то и десятилетия. Ковры разделяют с нами радости и печали, создают в домах уют, красота их ярких цветов и разнообразие композиций привносят в любой интерьер праздничную обстановку - радость и добрую. Некоторые из них передаются из поколения в поколение. Есть и такие, которые созданы к определенному событию: они - и памятные подарки, и бесценное наследство. Предлагаем вам поделиться с нами своими ковровыми историями, рассказать какую память хранят именно ваши ковры и почему они для вас ценны, - рассказывает о проекте директор музея Ширин Меликова.

Чтобы принять участие в проекте, сфотографируйте свой любимый ковер или снимите его на видео (ролик должен длиться не более двух минут). Свою историю об этом ковре запишите отдельно в виде текста или же расскажите прямо в ходе самой видеозаписи. Затем разместите все это на своей странице в Facebook и Instagram под хэштегами #carpetmuseum #khalchekayeleri #ковровые-истории #carpetstories #MusumsAndChill. И, конечно, пришлите вашу историю с видеороликом или фотоподборкой на электронный адрес Азербайджанского государственного музея ковров [khalchekayeleri@gmail.com](mailto:khalchekayeleri@gmail.com).

Самые интересные из этих писем будут опубликованы на страницах соцсетей музея, а также будут участвовать в дальнейших проектах музея, связанных с семейными история-

ми в чаше с необыкновенно живым взглядом. Кто это, я тогда не знала. Но мне казалось, что этот ковер будто говорит со мной. А еще мне очень нравились его цветовая гамма!

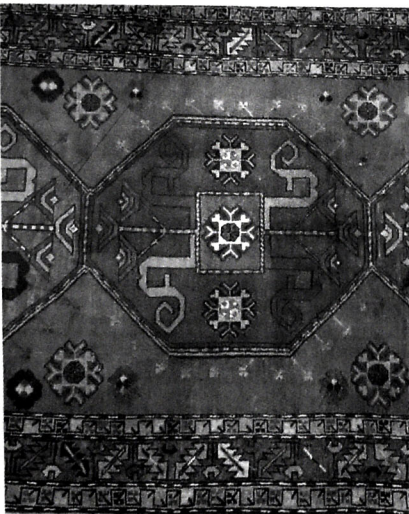
Однажды, когда я стояла перед ковром, ко мне подошла бабушка и сказала: «Внучу, тебе нравится этот ковер? Твоей дедушка тоже очень его любил». Она рассказала, что на ковре изображен великий азербайджанский поэт и философ Имамеддин Насими. В более старшем возрасте я, конечно, и сама познакомилась с его творчеством.

Прошли годы. Каждый раз, когда бабушка приходила к нам в гости, я очень радовалась и торопилась сама открыть ей дверь. И вот однажды я увидела, что бабушка стоит на пороге с каким-то свертком в руках. «Я принесла его тебе. Теперь он твой», - сказала она.

Ничего не понимая, я развернула сверток. Это был он, тот самый ковер! Радости моей не было предела...

Этот ковер и теперь мне дороже всех остальных в моем доме. Глядя на него сейчас, я понимаю, что он не отличается каким-то особенно богатым орнаментом - это самый обычный портретный ковер к 600-летию великого поэта. Но для меня он - дорогое сердцу наследство от бабушки и память о детстве.

Глубокой любовью к своей семье, роду, традициям проникнуто письмо **Илахи Бехбудовой**: «Этот ковер под названием «Мальбейли» соткала моя бабушка со своими сестрами, когда они жили в одноименном селе (не в том Мальбейли, что близ Шуши, а в том, что в Лачинском районе). Основа этого ковра - из хлопка и шерсти, а уток и ворс - чисто шерстяные.



Ковер Мальбейли Илахи Бехбудовой. Фрагмент



Ковер Тима Штейнера

Нитки для ворса ткачихи красили по большей части вручную, самотельно. Это не единственный ковер работы моей бабушки и ее сестер - они вместе соткали несколько карабахских ковров «Саксыда голлар», а также килимы, джеджили и дастарханы разного размера.

18 мая 1992 года Лачин был оккупирован армянскими вооруженными формированиями, и семья моей бабушки покинула ряды беженцев. Но ни она, ни ее сестры не оставили врагу свои ковры. Да и потом не продали их, невзирая на материальные затруднения. Видя замуж и став матерями, они подарили своим детям каждому по коверу собственного изготовления.

Я была первой внучкой у своей бабушки, поэтому она подарила мне не только этот ковер, но и шаль-пирме и серебряный пояс. Ее подарок для меня бесценен. Каждый раз, касаясь этого ковра, я чувствую тепло рук моей бабушки, вспоминаю радости и печали ее жизни. Ковер, сотканный бабушкой, является для меня самым ценным произведением искусства в нашем доме.

## Отделись из-за рубежа

Среди писем, присланных в адрес этого международного проекта, есть и истории, рассказанные иностранными гражданами. Закономерно, что первыми из них повели музеем свои истории люди, в силу своей профессии так или иначе связанные с искусством ковроткачества - искусствоведы, торговцы антиквариатом и т.д.

Так, одну из публикаций рубрики «Ковровые истории» на страницах Азербайджанского национального музея ковров в соцсетях составила история, присланная специалистом по коврам Тимом Штейнером из Гамбурга (Германия).

- Не могу не поделиться историей, связанной вот с этим ковром, - пишет Тим Штейнер, приложивший к истории фото одного из своих самых любимых ковров. «Это случилось в те дни, когда я только что возглавил журнал Carpet Collector и активно налаживал связи, посещая специалистов по старинным коврам, в том числе торговцев антиквариатом. В числе прочих мест мне довелось посетить гамбургский склад одного из таких торговцев, где хранилось множество великолепных ковров. Я изучал роскошное содержимое этого склада, делая все новые открытия... Это был удивительный день! Там-то и привлек мое внимание этот ковер. Это было, что называется, любовь с первого взгляда. Прежде всего мне бросилась в глаза его кайма. Я вообще люблю простые бордюры в коврах, особенно в сочетании с четко организованным орнаментом срединного поля. Для меня этот экземпляр и поныне остается одним из лучших образцов ковров кочевых племен.

Торжко более личный характер носит воспоминание другого иностранного специалиста - главы семейной фирмы по продаже антикавказских ковров **Amjad-advik & sons в Бейруте (Ливан)**. Он рассказывает историю старинного ковра, подаренного ему отцом, Ахмедом Джавадом, учредителем их семейного дела. В данном случае это ценный предмет играет роль не только личного наследства, но и символа профессиональной эстафеты.

- Я хотел бы поделиться с вами воспоминаниями о ковре, который мой ныне покойный отец принес с моего спального, когда я был подростком. Рассказывая эту вещь тогда, я видел только темный старый ковер с толстым ворсом, скрученными крестами и деформированными изображениями цветов. Позднее отец поделился со мной своей любовью к коврам, и тогда я увидел великолепие дизайна «гольффаран» (роза), богатою палитру цветов, красоту этого изделия и прочность основы древних биржарских ковров, которые считаются самыми прочными из иранских. Этот ковер достался моему отцу, когда он был подростком, от его отца. Ковер согрел и дарил красоту его комнате, служил мягкой площадкой для игр. Вот так отец передал мне свою любовь к коврам, и сейчас эта любовь передается у нас в семье от поколения к поколению.

## Эхо далекой родины

Так как правила проекта «Ковровые истории» не задают жестких рамок размера текста, присылаемые рассказы бывают очень разными по объему. Одни из участников ограничиваются буквально одним абзацем, делая акцент на фото-или видеоматериалах, а другие стараются рассказать о своем любимом ковре более подробно. На данный момент все рекорды не только по объему текста, но и по шпильке

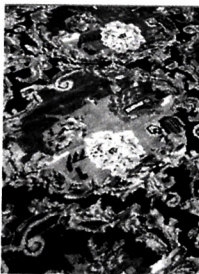


## ПРОЕКТ

## Ковровые истории

и детализации, которая ставит ее практически вровень с художественным рассказом, побила история, присланная нашей соотечественницей Егьюн Сальман, ныне проживающей в Израиле.

- Это был небольшой двухэтажный дом, характерный для многих горных регионов Азербайджана, где первый этаж используется в качестве хранилища самых разнообразных предметов быта, начиная от отслужившей свое домашней утвари и заканчивая продуктами, которые готовятся в летя для употребления в холодные зимние дни, когда, чтобы прожориться, можно пасть только на себя. Двор большой, с садом, тандыром, камином-то пристройками, курганом и несколькими животными, которых с утра выгоняли кормиться на близлежащие луга. И еще - осел, который был так необходим для поддержания нормальной жизнедеятельности большого хозяйства, ведь на нем возили воду. Таким я впервые



Ковр главы фирмы  
Ahtamadjan & sons. Фрагмент

увидела дом моей бабушки в одном из селений Азербайджана. Таким он остался в моей памяти навсегда.

Разувшись внизу, поднимаешься по деревянным ступенькам на второй этаж. В небольшой прихожей располагается кухня, из которой попадает на просторную застекленную веранду. Здесь, по существу, проходила вся жизнь семьи, которая состояла из родителей, троих детей и бабушки. Она всегда сидела на полу в углу. Возле нее стояли самовар, чайник и все, что необходимо для подачи чая: стаканы, блюдца, заварка. Несмотря на то, что она всегда сидела, было видно, что эта некогда красивая и навороченная высокая и стройная в молодости женщина сохранила осанку до преклонных лет. Именно от нее моя папа усвоил очень высокий рост и богатые слоеные.

Несмотря на свои внушительные внешние данные, эти люди обладали мягким характером, а потому хозяйкой дома была невестка, моя мама - женщина разговорчивая, властная, рослая, с лицом, сильно пострадавшим от свирепствующей во времена ее детства в тех краях эпидемии оспы. Словом, как и положено в повествованиях от лица призрачных рассказчиков, эта женщина была в моих глазах не красивой и злой. По моему опыту общения и по тому, как она общалась с домочадцами, именно такой она осталась до самой ста-

рости.

В этом доме было три комнаты, одна из которых являлась, на первый взгляд, совершенно пустой. Но это только на первый взгляд. В этой комнате не было ничего, кроме огромного, как мне казалось (во всю стену!), ковроткацкого станка. Нависо лишние каких бы то ни было деловых качеств, эти люди никогда не занимались производством чего бы то ни было с целью продажи. И потому ковры на этом станке ткались исключительно для семьи - для особо значимых событий. Насколько мне помнится, комната всегда пустовала, но я очень редко забуду этот дом, а потому память может обманывать меня.

Однажды я приехала туда после очень длительного перерыва - через десятилетия. Бабушки уже давно не было в живых. Чай подавали из кухни. Бабушкин угол был пуст. В комнату, где когда-то стоял станок, я даже не заглянула. Меня, как редко и дорогого гостя, принимали с помпой: зарезали барана, собрались почти все жители села, было много шума, много детей, все мне целовали... Разошлись поздно. Спать на новом месте мне показалось неудобно, хотя как дорожному гостю мне была выделена самая лучшая постель в отдельной комнате. На следующее утро после традиционного деревенского завтрака под пленку, кудахтанье, рев, лай и бление дворовых животных я стала собираться назад, в город. Скажу, что делала это с удовольствием, потому что, сколько помню себя, я всегда куда-то торопилась, и мой приезд сюда почти всегда носил исключительно формальный характер, как необходимость сохранить память о своих корнях. И вот, когда уже все было готово к отъезду и я, уже несколько раз перепрощавшись со всеми, собиралась сесть в машину, ко мне подошел мой единственный брат - большим свертком и сказал:

- Ну, забери же, наконец, свой ковер!

Мой взгляд излучал немой вопрос. Как оказалось, этот ковер отскакала бабушка, когда в доме ждали моего появления на свет. Потом был переезд моих родителей в город, ковер не забрали за ненадобностью, да и не модно было тогда стелить на пол или вешать на стену домотканые ковры. Так он тут и пролежал более пятидесяти лет в ожидании своей хозяйки, то есть меня.

Я не стала разворачивать в Баку хорошо упакованную поклажу, а увидела содержание этого огромного свертка только в аэропорту, улетаая в Израиль. Там же, заметив ковер, сказал, что вывозить его без документа от Министерства культуры или от Музея ковра нельзя. Я что-то пробормотала об отсутствии исторической или культурной ценности, но эта фраза, похоже, еще больше разозлила таможенника. Он с непримиримым выражением лица озвучил окончательный вердикт: «Нельзя». Я оставила ковер у провожавшего меня кузена и попросила оформить документы на эту вещь с тем, чтобы забрать ее в свой следующий приезд.

Через пару лет я все-таки вывезла свой ковер в Израиль. Когда я дома развернула его, ковер



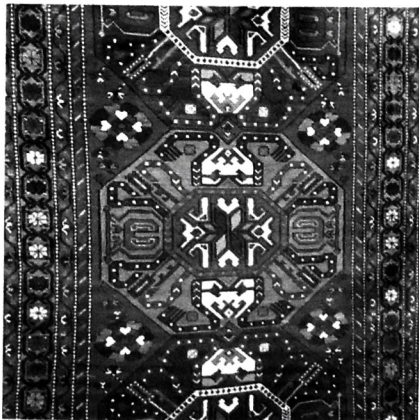
Ковр Елены Сальман

взору открылось, что-то необыкновенное - интересные замысловатые узоры, яркие краски и какое-то очень тонко подобранное, гармоничное сочетание цветов, которое делало этот ковер настоящим произведением искусства. Мне вдруг представилось, как моя бабушка месяцами трудилась над этим ковром, выстигая количество узоров, того или иного цвета, чтобы получить красивый, правый рисунок со смыслом. Нитки для домотканых ковров прядлись вручную, краски тоже производились из доступных первозданных материалов - цветов, листьев, фруктов, овощей и других даров природы. На этом ковре преобладают красный цвет и его оттенки - это значит, что ждали девочку. Наверное, определили по своим стародавним методам.

В моем доме есть несколько ценных и красивых ковров ручной работы, принадлежащих к различным ковроткаческим группам Азербайджана. Но именно этот ковер имеет для меня исключительную ценность. И не только из-за своих прекрасных технических и эстетических качеств, но и потому, что в нем навсегда осталась теплота бабушкиных рук, которая была ее принадлежностью и любовью к своей будущей внучке. Мога ли она знать, что сотканный ею ковер будет для меня чуть ли не единственным материальным воплощением «малой» родины и памятью о далеком домике в деревне, о старенькой бабушке, обо всем том, что никогда не стирается из памяти человека, сколько бы лет он ни жил на свете, тем более если этот «свет» так далек от родной земли...

Спасибо тебе, бабушка!

Ковр, ставший главным героем этой истории, положи началу домашнему музею Егьюн Сальман, впоследствии превратившемуся в Азербайджанский культурный центр при международной ассоциации Азербайджан - Израиль («АИИ»). Егьюн Сальман является директором этого центра, расположенного в городе Афула.



Ковр Минаре Светланы из Казани

Обмен  
вспоминаниями

Недавно азербайджанским проектом «Ковровые истории» заинтересовал российский онлайн-журнал «Сартр. Ковер как искусство» и проанонсировал его своим подписчикам. Между музеем и журналом возник обмен материалами, обогативший оба эти творческих проекта. Предлагаем вашему вниманию одну из историй, присланных читателями онлайн-журнала «Сартр. Ковер как искусство». Ее автор - подписчица этого издания Светлана из Казани.

- «Оранжевый, желтый, голубой... Оранжевый, желтый, голубой...» - я шепчу цвета из узора ковра, на котором сижу и с которым играю. Мне пять лет, я в спальне родителей слушаю пластинку «Рихко-Тикон-Тавно»: «...Матерый пушистый мангут делает молниеносный прыжок и нападает на кобру Нагайгу!» И ковер в один миг становится для меня тернистым садом в недрех Индии, а потом и целым миром цветов, звуков и фантазий.

В детстве обиденные веди наделяются смыслом: с ними можно бесконечно играть, вести познавательные беседы и чувствовать себя в безопасности, ведь они всегда рядом. Таким другом для меня и стал этот яркий ворсовый ковер со сложным геометрическим и цветным узором.

Детство осталось позади, мода на повсеместный изворчатый ковер ушла, и из нашей квартиры ковры тоже исчезли: были свернуты, спрятаны, розданы за ненадобностью. Приглянув, я редко вспоминала своего шерстяного друга, но однажды приехала на дачу к родителям и увидела его снова спустя столько лет, испытала искреннюю радость. Ковер за эти годы даже будто стал еще ярче.

В сознательном возрасте возникли и вопросы: откуда он, как попал в наш дом? Выяснила, что ковер достался в наследство маме, и привезла она его в Казань из родного Новосибирска в 70-х годах прошлого века. К сожалению, где и кем ковер был соткан, неизвестно. Но изучив информацию о коврах в интернете, по типу орнамента предпологаю его казахское происхождение. Сегодня этот ковер украшает мою квартиру, и то тепло, которым он наполняет мое пространство, как внешнее, так и внутреннее, для меня очень дорого.

Отметим, что специалистами Азербайджанского национального музея ковра было изучено фото ковра, присланное Светланой. Это оказалось не просто «казахский», а наш, азербайджанский ковер! Если говорить более конкретно, это классический ковер «Минаре», относящийся к Губинской группе ковроткачества. Данная информация была передана музеем журналу «Сартр. Ковер как искусство» - надеемся, Светлана из Казани будет рада узнать побольше о происхождении ковра, с которым у нее связано так много драгоценных воспоминаний.

Подготовила  
Няня БАНАЕВА